

Пространство смыслов

Дискуссия о символическом капитале науки давно вышла за рамки чисто академических теорий, ибо затрагивает фундаментальные основы доверия к научному знанию, механизмы признания статуса ученого и научных коллективов, методы оценки качества научного труда, особенно в условиях цифровизации и глобальной конкуренции.

В этой ситуации символический капитал остается ключевым и одновременно проблемным ресурсом, когда он, с одной стороны, обеспечивает престиж, авторитет и легитимность науки в обществе, с другой – все чаще подменяется цифровыми индикаторами, рейтингами и индексами, как бы стремясь компенсировать дефицит доверия. Таким образом возникает диссонанс между значимостью научного труда и его измеримостью, тенденциями внутри профессиональных сообществ и внешней видимостью, капитализацией знаний и изменчивостью академической моды. Наш разговор в преддверии 95-летия Института философии НАН Беларуси в рамках научной гостиной журнала «Наука и инновации» направлен на то, чтобы осмыслить эти противоречия: понять, как складывается символический капитал науки, какие риски несет его чрезмерная формализация, какова роль цифровых платформ, наукометрии, экспертных сообществ и оценок национальных систем.

нимым и управляемым. В науке это четко прослеживается прежде всего посредством наукометрии. Ключевые наукометрические показатели – индекс цитирования, индекс Хирша, квартиль журналов – представляют собой базы данных, ставшие не просто инструментами оценки, а полноценными механизмами производства и перераспределения символического капитала. Они трансформируют научные измерения в формализованный показатель, который затем может конвертироваться в социальный и экономический капитал – доступ к грантам, проектам, институциональным ресурсам.

Важным фактором является и то, что символический капитал выступает как оболочка, внутри которой объединены различные формы капитала. Научные знания, социальные связи, институциональная поддержка и ресурсы получают символическое оформление посредством цифровых репутационных показателей. При этом содержание символического капитала определяется непосредственно тем, какие именно символы и метрики признаются значимыми в конкретном научном или профессиональном поле.

Таким образом, в условиях цифровизации происходит радикальная трансформация символического капитала. Он становится более измеримым, ясным и одновременно зависимым от технических и институциональных условий. Что, в свою очередь, порождает много важных вопросов: о границах количественной



Андрей Дудчик,
заместитель директора
по научной работе
Института философии
НАН Беларуси, кандидат
философских наук

– Несмотря на то, что концепция символического капитала во многом стала важным фактором развития теории нематериальных ресурсов, сегодня она, на мой взгляд, остается обделенной вниманием в прикладных исследованиях. Между тем важно углубить его понимание в науке и таких явлениях, как престиж, статус ученого, доверие к экспертному знанию и механизмам общественного признания научной деятельности.



Евгения Кузнецова,
старший научный
сотрудник Института
философии НАН
Беларуси, кандидат
философских наук

– Сегодня особенно важно сместить акцент с классического понимания капитала как ресурса на символ носителя информации, смысла и признания. В цифровой среде символы приобретают количественно измеримую форму – рейтинги, индексы цитирования, импакт-факторы, охваты, лайки, репосты, подписчики. Именно через эти метрики символический капитал получает внешнее выражение и становится срав-

оценки знаний, о показателях и реальном научном вкладе, о новых формах ответственности и автономии ученого в цифровом пространстве.



Наталья Кутузова,
зав. отделом исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества
Института философии
НАН Беларуси, кандидат философских наук

– Можно говорить о статусном ресурсе – социальной позиции, влиянии и успешности ученого. Но что создает признание, каковы его механизмы? Надо полагать, это и определенные материальные блага, и связи, и репутация, и образование, и личностные качества, обеспечивающие уважение и самореализацию. Другой вопрос, можно ли сформировать механизмы признания. Если речь идет о политическом акторе, то тут все достаточно очевидно: он активно участвует в социальных сетях, занимает какое-то положение в определенных платформах, коалициях, умеет слушать, конструировать партнерства и вести их, генерировать и поддерживать стандарты. И тогда он видим и слышим. Шлейф его известности будет тем символическим капиталом, который работает на его признание.

Но хотелось бы предостеречь от излишнего увлечения тезисом о том, что символический капитал – это информация. Мне представляется большим заблуждением считать, что чем более ты известен, тем больший у тебя капитал. Это не всегда так, потому что известность может формироваться искусственно, особенно когда мы имеем дело с существующими технологиями – медийными стратегиями, алгорит-

мами, частотой упоминаний, и таких механизмов масса. В этом смысле символический капитал – не просто поток информации и не конечный репутационный показатель, а место в сетях, платформах, стандартах и даже позиция в структурированном пространстве отношений, которые возникают внутри устойчивых профессиональных и институциональных сообществ и поддерживаются включенностью в значимые сети взаимодействия. В то же время информация может быть и ложной.

Если же говорить о науке, то в ней символический капитал формируется через участие в партнерствах, способность быть соавтором правил игры, а не только их потребителем. Это вклад в выработку стандартов, норм, методологий, повесток. Другими словами, речь идет о включенности в процессы производства научного знания, смыслов и правил, а не только об их трансляции. Поэтому чрезмерное увлечение количественными показателями известности может быть методологически опасным. Искусственно сконструированная публичность, не подкрепленная включенностью в сети и институциональные процессы, создает эффект «шумной привлекательности», но не накапливает символический капитал в строгом смысле этого слова. Более того, его легко утратить.

И именно здесь, как мне кажется, открывается важное исследовательское поле – проблема различий истинного и фальсифицированного символического капитала. Важно аналитически «очистить» репутационные показатели от явлений произошедшей известности и выявить реальную позицию акторов в сетевых взаимодействиях. Такой

подход позволит рассматривать символический капитал не как абстрактную характеристику, а как измеримое, хотя и сложное в отношении признания явление, которое встроено в конкретные институциональные и сетевые структуры.



Юлия Деделко,
заместитель декана
факультета философии
и социальных наук БГУ,
кандидат философских наук

– Рейтинги, наукометрия возникают, скорее всего, из-за желания каким-то образом измерять символический капитал, чтобы управлять им. Но насколько хороши наши измерительные индикаторы? Мы уже говорили о том, что доверие – фундаментальный, но при этом наименее формализуемый ресурс. Именно оно делает возможным признание, авторитет и легитимность научного знания. Однако сегодня этот ресурс все чаще испытывается на прочность – мы сомневаемся в глобальных рейтингах, грантодатели – в исследователях, студенты – в университетах, государство – в научных институтах, а научное сообщество – в логике внешнего управления наукой. В ответ на дефицит доверия возникает стремление заменить его показателями, метриками, рейтингами, формальными индикаторами эффективности. Несомненно, эти инструменты выполняют важную функцию – позволяют снизить неопределенность и обеспечить минимальный уровень прозрачности и сопоставимости. Однако они не способны полностью воспроизвести доверие и тем более не могут его заменить. В лучшем случае метрики могут

выступать инфраструктурой доверия, но не его источником.

Так что ключевой вызов сегодняшнего дня состоит не в отказе от измерений, а в поиске баланса между формализованными показателями и неметрическими формами признания. Можно сказать, что речь идет о выстраивании таких механизмов оценки, которые не подменяют доверие количественными суррогатами, а поддерживают его: через экспертное сообщество, репутацию научных школ, устойчивые сети сотрудничества и институциональную ответственность. Именно в этом пространстве – между доверием и измерением – формируется подлинный символический капитал науки. Его нельзя полностью зафиксировать в цифрах, но его можно разрушить чрезмерной формализацией. На мой взгляд, метрики могут подстраховывать доверие, но они не должны становиться его заменой.



Жанна Комарова,
главный редактор
журнала
«Наука и инновации»

– Отдельного внимания заслуживает вопрос давления, которое оказывают на ученых и научные институты метрики, рейтинги и формализованные показатели эффективности. То, что изначально задумывалось как вспомогательный инструмент оценки и подстраховки доверия, все чаще превращается в довольно жесткий механизм управления научной деятельностью. В этой логике метрики не отражают науку, а формируют ее повестку, темпы и приоритеты. Налицо ряд системных эффектов: смещение акцента

с долгосрочных фундаментальных исследований на краткосрочные, «публикационно выгодные» темы, ориентация на количественные показатели вместо научной новизны и интеллектуального риска, воспроизводство стратегий формальной успешности, которые не всегда совпадают с реальным научным вкладом. Таким образом, ученый вынужден не столько заниматься исследованием, сколько постоянно подтверждать свою измеримую эффективность. В условиях жесткой метрикации сокращается пространство для эксперимента, ошибки и междисциплинарного поиска – тех элементов, без которых невозможно развитие науки как живого интеллектуального процесса.

В более широком смысле чрезмерная ориентация на показатели подрывает сам символический капитал науки. Доверие к научному знанию и к фигуре ученого ослабевает, если общество и государство воспринимают науку преимущественно через цифры, а не через содержание, аргументацию и экспертное признание. Тем самым возникает парадокс: инструменты, призванные обеспечить прозрачность и доверие, при избыточном использовании начинают работать против них.

Евгения Кузнецова:

– Наукометрия – вопрос, который действительно очень сильно беспокоит всех. С одной стороны, есть показатели, которые объективно существуют, и мы на них так или иначе ориентируемся, когда просматриваем информацию об ученом, хотим получить то или иное представление о нем, а с другой – эти показатели, тот же самый индекс Хирша, нельзя абсолютизировать. Поэтому в современной науке появилось такое понятие, как альтметрия –

нетрадиционные методы оценки научной значимости работ – статей, данных, презентаций, основанные на активности в онлайн-среде. В определенной степени это альтернативный инструмент, позволяющий отслеживать все цифровые появления ученого в различных социальных сетях, учитывать публикации, в том числе и репринты. Хотя ВАК не учитывает репринты как публикации.

Андрей Дудчик:

– Можно сказать, что ученый играет с различными жанрами, которые в большей степени обладают символическим капиталом. Но если научная статья отражается в наукометрических базах вроде Scopus, Web of Science, то монографии – нет. В то время как мы привыкли, что это достаточно фундаментальная работа. К сожалению, не всегда труд ученого оценивается одинаково. Или вот, к примеру, коллега недавно опубликовала статью в престижном скопусовском журнале, но там она расценена как рецензия, которая не индексируется в базах данных.

Евгения Кузнецова:

– Еще один важный момент, на который нельзя не указать, – международная повестка. Так, во время пандемии практически единственной темой публикации был COVID. Затем на смену ей стала продвигаться другая актуальная тематика – искусственный интеллект. Это легко прослеживается по всем публикациям, особенно в международных изданиях. Нельзя сбрасывать со счетов аннотации. Они должны отражать суть статьи и новизну, то, на что будет ориентироваться читатель, когда ведет поиск публикации по соответствующему направлению.

И, конечно, не должно быть никаких нарушений этики ученого, в том числе манипуляций с самоцитированием.

К слову сказать, журналов по некоторым наукам очень мало, скажем, по культурологии их вообще несколько в Беларуси, да и те зачастую выходят два раза в год. Чтобы опубликоваться в зарубежных изданиях, а теперь и в отечественных, порой приходится ждать год, с учетом всех экспертиз и других формальных требований. Поэтому в метриках нельзя не учитывать область знаний, тип публикации – полная статья, репринт, ее актуальность. На мой взгляд, альтметрика в какой-то степени является решением проблемы оценки символического капитала ученого.

Андрей Дудчик:

– Евгения Владимировна отметила крайне важную вещь о возрастающей значимости не только самих текстов, но и сопровождающих их данных, то, что обычно называется метаданными. У нас, к сожалению, часто на них не обращают внимания, хотя это достаточно важный момент.



Андрей Русакович,
профессор кафедры
международных
экономических
отношений БГУ, доктор
исторических наук,
профессор

– Собственный опыт работы в сфере международных отношений позволяет взглянуть на обсуждаемые нами проблемы под несколько иным углом – прежде всего с позиции трансформации роли науки в стремительно меняющемся мире. Сегодня уже не вызывает сомнений, что наука является не просто областью про-

изводства знания, но и полноценной производительной, инновационной силой, вовлеченной в глобальные социальные, экономические и политические процессы. Это в равной степени относится как к естественным и техническим наукам, так и к гуманитарному знанию. Отсюда следует мой первый тезис: в современных условиях наука существует в логике практической востребованности. Независимо от дисциплинарной принадлежности научное знание вовлечено в процессы принятия решений, формирование стратегий развития, технологическое и социальное проектирование. Игнорирование этого факта существенно снижает конкурентоспособность как отдельных исследователей, так и научных школ в целом.

Второй тезис: «чистой» науки в классическом понимании в настоящее время практически не существует. Научные исследования тесно связаны с производством, технологиями, управлением процессами в различных сферах, международным сотрудничеством. В наибольшей степени это проявляется в естественно-научной сфере, в то же время гуманитарные науки все активнее вовлекаются в прикладные контексты – от экспертного сопровождения политических процессов до анализа глобальных трансформаций и ценностных изменений. В этой связи деятельность современного ученого, особенно в статусе научной элиты, носит многовекторный характер. В своей практике я выделяю как минимум пять ключевых направлений, которые в совокупности формируют реальный, «статусный» эффект научной деятельности и способствуют накоплению символического капитала.

Первое – собственно научно-исследовательская работа,

прикладные научные исследования, участие в государственных научных программах, публикационная активность, участие в научных конференциях, профессиональных дискуссиях. Это базовый уровень, без которого невозможна ни экспертиза, ни трансляция знаний.

Второе – международное позиционирование науки. Для гуманитарных дисциплин, особенно в сфере международных отношений, это означает присутствие в глобальных научных, экспертных сетях, участие в международных проектах, диалог с зарубежными коллегами. Это направление напрямую связано с формированием геополитического и символического капитала науки на внешних интеллектуальных рынках.

Третье – образовательная и преподавательская деятельность, ориентированная на передачу накопленного знания будущим поколениям. Здесь речь идет не только о формальном обучении, но и о формировании исследовательской культуры, критического мышления и профессиональных стандартов.

Четвертое – экспертная деятельность в академическом поле: участие в диссертационных советах, научной экспертизе, рецензирование, оценка исследовательских проектов, квалификационных работ. Эта деятельность обеспечивает воспроизводство научных стандартов и поддержание качества научного знания.

Наконец, пятое – аналитическая деятельность и экспертиза, связанная с работой на уровне государственных структур, международных организаций. Здесь научное знание напрямую включается в процессы анализа, прогнозирования и принятия реше-

ний, что усиливает общественную значимость науки.

Следует отметить также такое направление, как популяризация научных достижений, выступления в СМИ, общественной аудитории, что важно для формирования имиджа науки в общественном сознании, получения «обратной связи».

На мой взгляд, именно сочетание этих направлений формирует целостный эффект научной деятельности в современном обществе. Наука – это не изолированное производство знаний, а сложная система взаимодействия, в которой исследование, образование, экспертиза и международная коммуникация взаимно усиливают друг друга, формируя устойчивый символический и институциональный капитал.

Наталья Кутузова:

– Буквально в продолжение тезиса об представленности на экспертных площадках, на которых публикуется мнение эксперта в области политологии, культурологии, искусствоведения и других научных направлений, но которое не отражается в отчетности и уже тем более не учитывается как публикация, признаваемая ВАКом. И здесь налицо конфликт: с одной стороны, есть общепринятая норма и стандарт, указывающий, что полноценная статья – это нечто ценное, а с другой, экспертная деятельность – большая работа, в значительной степени еще более сложная, чем простое написание статей, требующая глубоких специализированных знаний, высокой ответственности за выводы и способности давать точные заключения в своей области.

В этом же ряду стоит тема популяризации науки – необходимая, но и крайне сложная. От ученого одновременно ожи-

дают производства нового знания, объяснения сложных закономерностей и умения говорить с широкой аудиторией на понятном ей языке. В этом смысле популяризация становится не дополнением к научной работе, а ее неотъемлемой частью. Однако именно здесь возникает серьезный вызов, связанный с властью тех же цифровых платформ. В социальных сетях научные смыслы неизбежно упрощаются, выдаются за какие-то инновации и далее живут по законам алгоритмов. Фрагменты вырываются из контекста, усиливаются, трансформируются и распространяются уже независимо от исходного научного содержания. В итоге под видом науки могут воспроизводиться искаженные или псевдонаучные идеи, вокруг которых формируются устойчивые сообщества и новые «авторитеты». Это не всегда откровенная лженаука – чаще речь идет о поверхностных обобщениях и неверных выводах, которые выглядят убедительно именно благодаря цифровому формату. Тем не менее они конкурируют с академическим знанием за внимание и доверие аудитории. Исходя из этого популяризация науки – не только просвещение, но и ответственность. Ученому приходится учитывать логику платформ, критически работать с возникающими искажениями и защищать границы смысла. Власть цифровых платформ нельзя игнорировать, но и подменять ею научное знание опасно. Именно здесь проходит одна из ключевых линий напряжения между наукой, доверием и символическим капиталом в цифровую эпоху. Ко всему прочему стоит добавить, что популяризацию отдают на откуп ученым, как бы принуждая их к этой деятельности, но совершенно очевидно, что не все умеют и могут делать

это хорошо. Поэтому здесь, на мой взгляд, должна быть какая-то специализация, когда люди, разбирающиеся в научной сфере, готовы и могут транслировать знания в широкие массы.

Андрей Русакович:

– На самом деле не вижу такого серьезного противоречия. Конечно, есть разные грани талантов, но это как с научными исследованиями и преподаванием. Далеко не всегда отличный исследователь – хороший преподаватель, и наоборот. И даже для того, чтобы донести свои идеи, требуется освоить какие-то азы этого мастерства. То же самое с популяризацией. В современной науке есть специализация, когда каждый занимается каким-то своим делом, но чаще всего приходится все-таки брать на себя те роли, которые тебе не свойственны. Поэтому каким-то минимумом, наверное, ученому желательно обладать. Но требовать этого жестко не стоит.



Данила Добродорный,
проректор по учебной работе
Международного института управления и предпринимательства,
кандидат философских наук

– Не отношу себя ни в коем случае к экспертам в теме символического капитала, но когда мы рассуждаем о нем, то надо понимать, что это изначально вопрос социального порядка. В любом обществе есть определенная иерархия, определяющая неравенство, а также социальные практики, которые воспроизводят социальный порядок и связанное с ним неравенство. И капиталы – экономический, социальный, символический – являются индикаторами, которые подсвечивают это

неравенство в обществе. Любой капитал, в том числе и символический, – это вопрос социальной власти, ее перераспределения и использования. И когда мы говорим, что у кого-то есть символический капитал, у кого-то его нет или он недостаточно высок, то это всего лишь современный социальный порядок. Вряд ли можно говорить о каком-то одном механизме, формирующем авторитет современного ученого. Потому что есть авторитеты в узком кругу. В институте философии, например, работают ученые, которые считаются авторитетными. И возможно, что за его пределами никто не знает об их существовании. Тем не менее это позволяет такой организации, как академический институт, вполне эффективно функционировать. Эти авторитетные ученые выполняют экспертную функцию, участвуют в распределении грантов, формируют научные школы, воспитывают новых ученых. Система академической науки функционирует на своем локальном уровне, и символические капиталы ее участников будут иметь локальное значение. А, к примеру, школьники смотрят какого-то блогера в Тик-Токе, который для них – олицетворение науки, и для них он обладает максимальным символическим капиталом. Они не слушают родителей, учителей, но доверяют блогеру и делают то, что он им говорит. Это и есть проявление его символического капитала. Вот так это работает в другой социальной среде и в другом социальном порядке. Можем ли мы на это повлиять? Это сложный вопрос. В нашей академической сфере и нашей стране, как и любой другой, существуют устоявшиеся традиционные механизмы трансляции символического капитала. Когда мы начинаем сравнивать автори-

тет белорусского и американского ученого, мы вынуждены прибегать к международным индексам, хотя они и не нравятся многим. Однако и тут просматривается явная дискриминация, ведь сам смысл символического капитала – язык. Мы говорим по-русски, а американцы по-английски. Они намного лучше себя чувствуют в англоязычном пространстве, и уже это дискриминирует наш статус на международной арене. Так устроен международный социальный порядок. В нашей власти сделать так, чтобы наши локальные социальные порядки и механизмы функционирования институтов поддерживались и воспроизводились, потому что во многом они обеспечивают сохранность традиции и социализацию будущих ученых. Наука будет жить, пока будут действовать эти локальные механизмы.

Андрей Дудчик:

– Разделяю точку зрения Данилы Григорьевича, что одна из важных функций науки – консервативная. Потому что, с одной стороны, есть определенная социальная инерция, отображающая какое-то соотношение сил, статус-кво. И она не всегда успевает за изменениями. Хотя общество уже изменилось, а символическая система еще к этому не адаптировалась, и сознание людей не приспособилось. А с другой – существует определенная мода, в том числе и в науке. Она приходит и уходит. Здесь уже называлась тема COVID. Иными словами, символический капитал должен быть более устойчивым к новым веяниям.

Андрей Русакович:

– Нами уже затрагивалась очень чувствительная тема – преподавание, участие ученых в педа-

гогической деятельности. В последнее время в высших учебных заведениях много внимания уделяется технологиям образования, в том числе и использованию различного рода дистанционных, цифровых платформ. Личный опыт работы, в том числе заведующим кафедрой, говорит о том, что одним из самых эффективных является сбалансированный подход к подбору кадров. В идеале примерно половина сотрудников должна быть учеными-теоретиками, работающими и в науке, и в учебном учреждении, а другая – учеными-практиками, которые в любой аудитории могут объяснить сущность научного явления. Я давно наблюдаю за отношением к ученым, к авторитетам. Существует, на мой взгляд, определенное падение интереса студентов к традиционной форме научной активности, которая выражается в участии в конференциях, публикации статей, поскольку особенно последнее требует времени, энергии, ресурсов. К тому же необходимо готовить статьи в соответствии с существующими критериями, верифицировать те научные выводы, которые предлагаются. У студентов это не всегда получается, в том числе и по причине общей перегрузки. С одной стороны, необходимо выучить те предметы, за которые постоянно идет спрос, с другой – требование еще параллельно заниматься научной деятельностью. И тут возникает определенный парадокс. Студенты-платники, у которых есть материальная заинтересованность, поддерживают такие традиционные формы научной активности, ибо они являются бонусом для того, чтобы позднее получить скидку на оплату за обучение. Если говорить о бюджетниках, там, соответственно, заинтересованности меньше. Да, они

могут претендовать на повышенную стипендию, но, в принципе, эта прибавка будет гораздо меньше, чем та скидка, которую получают платники. К сожалению, такое явление есть.



Игорь Авласенко,
зав. кафедрой
международного
туризма и
гостеприимства БГУ,
кандидат исторических
наук

– Хочу заметить, что мы наблюдаем очевидный рост интереса студентов к игровым и интерактивным формам научной и учебной активности. На факультете международных отношений уже много лет проводится ежегодное моделирование работы Организации Объединенных Наций, которое стабильно вызывает высокую заинтересованность и предполагает конкурсный отбор участников. Помимо этого, активно развиваются модели других международных организаций. Так, на кафедре таможенного дела и международной логистики реализуется моделирование деятельности Всемирной таможенной организации, запущена модель Шанхайской организации сотрудничества. Особая ценность этих проектов в том, что они проводятся не только на русском, но и на иностранных языках. Если раньше основным рабочим языком был английский, то с появлением модели ШОС в образовательный процесс активно включен китайский язык, что дает возможность студентам практиковать профессиональные и языковые навыки в условиях, максимально приближенных к реальной международной коммуникации.

В отличие от традиционных форм обучения, здесь не требуется пассивное усвоение матери-

ала – напротив, студенты включаются в живую дискуссию, аргументируют позиции, взаимодействуют друг с другом, что создает эффект интенсивного интеллектуального и эмоционального обмена. Именно поэтому такие форматы воспринимаются ими как более привлекательные и эффективные.

Кроме того, в результате сотрудничества с московскими коллегами и по инициативе самих студентов стали появляться новые модели деятельности международных структур. В более широком смысле это отражает общую трансформацию академической среды: с одной стороны, происходит размывание традиционного символического капитала науки, а с другой – то, что экономист и политолог Йозеф Шумпетер называл «созидательным разрушением», когда на смену устоявшимся формам приходят новые образовательные уклады. В этих условиях адаптация к меняющимся реалиям становится неизбежной как для ученых, так и для преподавателей.

Жанна Комарова:

– Есть такое понятие, как «правильные связи». Как они работают? Речь идет не о личных договоренностях или закрытых кругах, а о включенности в более широкие профессиональные и экспертные сети.

Наталья Кутузова:

– Если продолжить мысль, которая уже прозвучала, символический капитал возникает тогда и там, где человек, организация или научное сообщество выходят за пределы замкнутого пространства своей деятельности и начинают взаимодействовать с более широкими платформами. Это предполагает понимание существующих стандартов, умение их воспроиз-

водить и в идеале участвовать в формировании новых. Как и в случае со студентами, которые осваивают языки и форматы международных организаций, здесь принципиально важна не изоляция, а включенность в общую систему координат.

Если говорить строго в терминах Бурдье, символический капитал не может существовать в одиночку. Его невозможно «объявить» или самопровозгласить. Условно, если человек очертит круг вокруг себя и заявит, что обладает символическим капиталом, этого недостаточно. Он появляется только тогда, когда есть признание со стороны других, когда существует коммуникация и общее понимание норм и правил игры. Чем шире мы выйдем на международные экспертные площадки, чем активнее участвуем в трансфере технологий, в профессиональных и научных дискуссиях, тем больше символического капитала аккумулируется – как у отдельных исследователей, так и у научных направлений и институтов в целом. Даже если формально институт ничего не «распределяет», наличие устойчивой, доверительной коммуникативной сети, возможности приглашать экспертов, обсуждать значимые темы – уже является формой символического капитала.

Таким образом, «правильные связи» – это не инструмент краткосрочной выгоды, а результат длительной, последовательной работы по расширению профессиональных границ, выстраиванию доверия и признания в более широком научном и экспертном сообществе. Именно от этого и зависят наши ожидания от таких связей – не мгновенный эффект, а накопительный и долгосрочный результат.



Даниэла Мозалевская,
преподаватель кафедры философии БГУИР, кандидат философских наук

– Возвращаясь к вопросу о том, как формируется социальный порядок и за счет каких методологических основ складываются так называемые «правильные связи», прежде всего стоит обратиться к сетевой методологии. Если сместить фокус на сферу образования и науку, то очевидно, что речь идет не просто о связях как таковых, а о формировании сетевого капитала, то есть всей совокупности форм социальных взаимодействий – той коммуникативной среды, которая создает фундамент для накопления символического капитала. Именно в этой логике можно более точно определить, что такое «правильные связи». Если обратиться к классике сетевого анализа, в частности к работам американского социолога Марка Грановеттера и его концепции силы связей, становится понятно, что устойчивые социальные структуры формируются через определенные узлы взаимодействия, которые усиливают и уплотняют социальную среду.

Перенося эту логику на научное сообщество, мы видим, что связи могут быть как формальными, так и неформальными. Сегодня много говорится о научных сетях, и именно они способны формировать ядро, каркас взаимодействий внутри академического поля. Причем этот каркас все чаще складывается не только вокруг институциональных форм, но и на базе цифрового капитала – цифровых инструментов и платформ. Ученый-популяризатор, выступающий на информацион-

ных площадках, будь то YouTube или социальные сети, формирует неформальные каналы связи, которые усиливают горизонтальные взаимодействия в науке.

Если продолжить эту метафору, можно говорить о действии центростремительных и центробежных сил. Неформальные сетевые связи часто выступают в роли центробежного импульса, тогда как сеть социальных институтов – академические центры, образовательные организации, исследовательские структуры – выполняют функцию центростремительного усилителя, собирая и институционализируя эти связи. В этом, по сути, и заключается логика сетевой методологии: ядро, периферийные центры и постоянное включение разнообразных исследовательских интересов, которые не должны выпадать из общего поля.

В качестве итоговой мысли я бы хотела связать это с теми идеями, которые обсуждаются на уровне государственной научно-образовательной политики. Речь идет о концепции сетевых образовательных центров. Ректор БГУИР Вадим Богуш справедливо подчеркивает, что именно такой формат – сетевой образовательный центр – станет тем направлением, к которому мы будем идти. Это созвучно с более широкой задачей, о которой недавно говорил министр образования Андрей Иванец на встрече с Президентом Александром Лукашенко, – формированием своего рода «интеллектуального спецназа» страны.

Смысл данной концепции в координации усилий научных центров, образовательных учреждений, социальных институтов, а возможно, и экономических кластеров, которые органично сплетаются в единую систему. И в этом контексте принцип сете-

вого взаимодействия становится не просто теоретической моделью, а практическим основанием для развития современной науки и образования.



Михаил Борозна,
профессор Белорусской государственной академии искусств, кандидат искусствоведения, профессор

– Мне близка визуальная логика восприятия мира, и символизм здесь играет принципиальную роль. Если говорить о престиже художника – а в более широком смысле и ученого, – он формируется не только через информацию или институциональное положение. Важны и место, и контекст, и образы, которые человек создает вокруг себя и своего дела. В этом смысле ничего принципиально нового не происходит: эти механизмы работают десятилетиями, а может быть, и столетиями.

Существуют примеры, которые свидетельствуют о нелинейности пути признания. Можно всю жизнь публиковаться в ведущих изданиях, но не быть по-настоящему признанным в профессиональной среде, не иметь учеников и не оставить вклада в развитие конкретного направления. А можно, наоборот, создать школу, подготовить учеников – и именно они станут продолжением и усилением твоего символического капитала. Недаром, если посмотреть на иерархии в искусстве или науке, мы видим «разные высоты»: за ними часто стоят учителя и их ученики, преемственность и способность «наполнить» науку новыми смыслами.

Отсюда возникает важный вопрос о соотношении старых школ и новых идей, о признан-

ных авторитетах и молодежи. На мой взгляд, здесь нет неразрешимого противоречия. Существует традиционная школа научного познания – формализованная и неформализованная, со своими методологиями и нормами. И одновременно возникают новые течения, подходы, которые неизбежно испытывают эту традицию на прочность.

Появляется молодой исследователь с идеями, которые не укладываются в доминирующую парадигму, и поначалу они не принимаются сообществом. Это не сбой системы, а механизм ее развития. Авторитетные ученые обеспечивают преемственность «нормальной науки», а новые идеи – импульс к ее трансформации.

Разумеется, всегда есть риски. Идея должна убедить, «заразить», сформировать вокруг себя новый символический капитал. Иногда на это уходят десятилетия, но таков путь научного признания. Ключевую роль здесь играет педагог и научный наставник. Если преподаватель сам является признанным авторитетом в науке, обладает прочным базисом знаний и современной методикой преподавания, он способен направить ученика не просто на воспроизводство знаний, а на открытие нового. Это, на мой взгляд, самая эффективная образовательная технология.



Михаил Завадский,
ученый секретарь
Института философии
НАН Беларуси

– Продолжая разговор о социализации ученых и формировании их авторитета, в том числе молодых, хочу опереться на кон-

кретный эмпирический опыт. Несколько лет назад я проводил небольшой опрос и серию бесед с экспертами – представителями вузовской и академической науки. Среди них были как молодые исследователи, в том числе руководители и председатели советов молодых ученых, так и уже признанные авторитеты. Однако практически во всех ответах повторялся один и тот же мотив – наличие некой невидимой, но ощутимой преграды – межпоколенческое взаимодействие. Это не «стена» в прямом смысле слова, а скорее совокупность препятствий, связанных со сложностями социализации молодых в научных коллективах. Как правило, выпускники университетов обладают хорошим знанием современных зарубежных теорий, но попадая в среду, где существует собственная научная школа, свои авторитеты, исследовательские традиции, не сразу могут найти общий язык – методологический, ценностный, исследовательский.

Это несовпадение целей, ожиданий и идеалов может отражаться и на качестве научной работы, и на вовлеченности молодого специалиста. В связи с этим мне представляется ключевой задачей научных организаций создание условий для осмысленной и поддерживающей социализации. Важно, чтобы молодой исследователь не ощущал себя изолированным элементом системы, чтобы его инициативы не оставались без внимания, и он понимал свое место в общем научном процессе.

Здесь большую роль играют неформальные структуры – советы молодых ученых, профессиональные сообщества, горизонтальные сети взаимодействия. Они часто оказываются более эффективными в плане адаптации

и поддержки, чем формальные административные механизмы. Однако этого недостаточно. Перспективным мне видится развитие межсоциализации, в том числе межсекторальной. Важно, чтобы в период обучения в университете у студентов сформировалось ясное представление о существовании профильных научных институтов, академических центров, корпоративной, отраслевой науки, иных исследовательских структур. Например, наряду с университетскими факультетами существуют профильные академические институты со своими традициями, молодыми учеными, внутренними научными экосистемами – и это знание не всегда очевидно для начинающих исследователей.

В Институте философии выстраивается эта связка осознанно. Проводятся экскурсии, установочные конференции, встречи со студентами и даже со старшеклассниками. Уже на ранних этапах они знакомятся со структурой научных организаций, прикрепляются к конкретным подразделениям, видят, как организована работа, и начинают участвовать в процессе производства научного знания. Пусть сначала это вспомогательная деятельность, но она понятна, прозрачна и дает ощущение сопричастности. Именно такая ранняя и последовательная социализация позволяет снизить межпоколенческие разрывы, сформировать доверие и обеспечить преемственность. В конечном счете, это работает не только на адаптацию молодых ученых, но и на устойчивость и развитие научных коллективов в целом.

Здесь прозвучала интересная и, на первый взгляд, радикальная мысль о том, что в конечном счете именно сети и символический

капитал создают по-настоящему значимое исследование. Но если обратиться к истории науки и философии, становится понятно, есть ли глубокий смысл в этом. Показателен пример – американский философ Эдмунд Геттиер, который за всю свою академическую карьеру опубликовал, по сути, один небольшой текст, представляющий скорее тезисы, которые ученые традиционно готовят для конференций, объемом в несколько страниц. Формально это не соответствовало и не соответствует современным критериям академической продуктивности – ни массивных публикаций в престижных журналах, ни крупной монографии. Более того, его работа долгое время вызвала ожесточенные споры, критику и одновременно защиту со стороны коллег, в том числе внутри университетских сообществ. И тем не менее именно этот текст стал точкой отсчета для огромного пласта философской литературы. Последующие поколения исследователей интерпретируют, развивают, оспаривают геттиеровскую проблематику, и объем работ, возникших на основе этих нескольких страниц, практически неисчислимы. В этом смысле формальный объем или «формат» исследования оказался вторичным по отношению к его содержательной новизне и глубине.

Этот пример показывает, как в действительности работают символическая власть и научные сети. Если появляется действительно оригинальная, концептуально сильная идея, она начинает «заражать» научное сообщество. Вокруг нее выстраиваются дискуссии, формируются исследовательские пулы, подключаются сети признания – сначала неформальные, затем институциональные. Символический капитал и

сеть в этом случае не создают ценность искусственно, а скорее выступают механизмом ее распространения и закрепления.

Поэтому можно сказать, что по-настоящему новаторскому исследованию крайне сложно остаться незамеченным. Это может занять время, потребовать защиты, критики, споров, но, если идея действительно состоятельна, научное сообщество рано или поздно начинает работать на этого автора. И именно в этом проявляется нелинейность научного признания – не количество публикаций само по себе, а сила идеи становится тем ядром, вокруг которого выстраивается символический капитал.



Елена Давлятова,
старший научный
сотрудник Института
философии, кандидат
исторических наук

– Если обратиться к наследию античных авторов, имена которых остались в истории навсегда, то их положение было одновременно и простым, и чрезвычайно сложным. Простота была обусловлена статусом первооткрывателей, тогда как сложность происходила из необходимости прокладывать путь в условиях отсутствия готовых методологий, устоявшегося языка описания, институциональной поддержки. Их открытия действительно возникали впервые. И в этом смысле ситуация принципиально не изменилась. Чтобы по-настоящему войти в историю науки, нужно в своей области быть первым – не обязательно хронологически, а важнее концептуально. Иногда для этого достаточно двух страниц тезисов, если в них содержится идея, трансформирующая

саму логику мышления. Примеров этому в истории науки и философии достаточно. При этом сегодня существует значительное количество компетентных и продуктивных исследователей, есть и средний уровень научной деятельности, есть массивы публикаций – в том числе в рецензируемых изданиях, индексируемых в международных базах данных, таких как Scopus и др. Но само по себе количество публикаций или их формальное соответствие стандартам не является показателем подлинного научного качества. В условиях колоссального информационного шума выделиться становится все сложнее. Поэтому символический капитал формируется не автоматически и не массово. Он возникает вокруг действительно сильных, оригинальных и смелых идей. Я не хочу говорить о гениальности в пафосном смысле, но, условно, речь идет об исключительной интеллектуальной одаренности и способности увидеть то, что не видят другие. Таких исследователей немного – и так было всегда. В конечном счете, несмотря на все сложности, лучшие все равно проявляются через споры, сопротивление, критику и испытание временем. Именно они и формируют те редкие точки кристаллизации знания, вокруг которых затем выстраиваются научные школы, исследовательские коллективы и символический капитал. И это, пожалуй, неизбежный и нормальный порядок развития науки.

Андрей Русакович:

– Тема «молодых ученых» и исследователей «старшего поколения» действительно звучит в какой-то степени остро, и в последнее время к ней добавилась еще одна важная категория – так назы-

ваемые «ученые будущего». Как правило, последним предоставляются трибуны, специальные форматы участия, преференции, и в целом это, безусловно, позитивная тенденция. Но здесь важно обратить внимание на одну принципиальную деталь. Ученый может развиваться как молодой исследователь, но лишь ограниченное время. Рано или поздно он выходит из этой категории и оказывается в «обычной» научной среде – без возрастных льгот, специальных преференций, «щадящих» условий. И здесь возникает ключевой вопрос: готово ли новое поколение исследователей работать и жить в более жестких, сложных и конкурентных условиях академической реальности?

К тому же сегодня существуют различные механизмы поддержки – банк одаренной молодежи, специальные программы, гранты, стипендии. При этом не всегда понятно, насколько эффективно эти инструменты работают именно в научной сфере и как они сопровождают исследователя на более поздних этапах карьеры. Мы видим, что многие талантливые люди уходят в другие сферы – в производство, государственное управление, бизнес, – и это естественно. Но в научной среде иногда возникает эффект «потерянного потенциала», когда вложенный ресурс не трансформируется в устойчивый научный результат.

Переход из этой защищенной среды в обычную академическую реальность оказывается для многих непросто. Здесь уместна аналогия с феноменом олимпийцев: высокие результаты на раннем этапе не всегда автоматически конвертируются в долгосрочный успех и признание в других формах деятельности. Символический капитал, нако-

пленный в одной системе координат, не всегда без потерь переносится в другую. Отсюда возникает еще одна важная проблема – взаимопонимания между поколениями. Часто речь идет не столько о конфликте, сколько о разрыве языков и смыслов. Люди говорят вроде бы об одном и том же, но используют разные коды, разные представления о науке, успехе, признании. В этом контексте особенно возрастает роль посреднического перевода – того, что в современной исследовательской литературе называют трансфером. Такие посредники – научные наставники, руководители программ, институциональные модераторы – ключевые фигуры. Именно они помогают молодым исследователям встроиться в более широкое научное сообщество, а старшим поколениям – увидеть в новых идеях не угрозу, а ресурс развития. И, на мой взгляд, без выстраивания этой системы переходов и переводов разговор о «ученых будущего» рискует остаться исключительно декларативным.



Александр Успенский,
зав. отделом
Республиканского центра
трансфера технологий
Центра системного
анализа и стратегических
исследований НАН
Беларуси, кандидат
технических наук, доцент

– Говоря о роли трансфера и коммерциализации технологий в формировании и передаче символического капитала, важно опираться не только на теоретические рассуждения, но и на вполне измеримые показатели. Во всем мире давно используется простой и при этом важный критерий – средний доход от лицензионных соглашений на одного жителя страны. По этим данным Россия и Беларусь

сегодня находятся в самом конце списка – порядка 30–35 долл. на человека. Для сравнения, в Израиле этот показатель превышает 1,7 тыс. долл., в Швейцарии – около 3,5 тыс. долл. И это не абстрактная теория, а прямой индикатор того, как работает символический и технологический капитал страны. Если этот показатель кажется спорным, можно обратиться к другим международным индексам. Например, Глобальному инновационному индексу, представляющему рейтинг инновационной деятельности более 130 экономик мира, где в лидерах стабильно находятся Швейцария, Швеция, США. Китай впервые вошел в первую десятку в 2025 г. Россия располагается на 73-м месте, Беларусь – на 85-м. Или, например, свежий бюллетень Innovation Business Environment Index 2026 (Показатель деловой среды для новаторов, 2026), оценивающий условия ведения инновационного бизнеса в 125 странах. В первой десятке – США, Сингапур, Великобритания, страны Персидского залива. Китай на 85-м месте, Россия – 105-м, Республика Беларусь – 115-м. Это говорит не о слабости отдельных ученых, а о системных ограничениях среды для трансфера и коммерциализации технологий, которые обусловлены действующим в государстве законодательством. Здесь важно понимать еще один принципиальный момент. То, что мы часто видим в ведущих зарубежных журналах, – как правило, открытые инновации. То есть результаты, не имеющие прямого коммерческого или военного значения. Личный опыт участия в международных инженерных и научных сообществах показывает, что публикация высокотехнологичных, чувствительных разработок проходит через сложную систему экспертизы, и далеко

не все допускается к открытому научному обороту. Бывает, что великолепные статьи просто запрещают публиковать в открытом виде.

При этом и в нашей традиции существовали и существуют другие формы символического признания. Можно вспомнить ученых, которые не имели публикаций в рейтинговых журналах, но обладали колоссальным авторитетом, государственным признанием и реальным вкладом в развитие науки и технологий. Это еще раз подчеркивает, что символический капитал не сводится к библиометрии.

Отдельно стоит сказать о роли аспирантуры как ключевого института формирования исследователя. Аспирант отличается от студента не объемом знаний, а тем, что он должен научиться формулировать и решать задачи научного исследования. В этом смысле показателен опыт советской модели аспирантуры, где существовали два подхода. Первый – формальный – тема формулировалась руководителем будущего аспиранта при поступлении последнего в аспирантуру, ее нужно было корректно выполнить и защититься. Второй – более сложный, но и более продуктивный: аспиранту, которому утвердили тему, сформулированную руководителем при поступлении в аспирантуру, давали время погрузиться в лабораторную и исследовательскую среду, разобраться, кто чем занимается, и только после этого самостоятельно сформулировать тему, обосновать ее и вынести на утверждение. Именно второй путь, на мой взгляд, и формирует настоящего ученого – способного не только воспроизводить знания, но и создавать новые смыслы, которые затем могут быть трансформи-

рованы в технологии, продукты и, в конечном счете, в символический и экономический капитал. Без выстроенной системы трансфера – от идеи к технологии, от лаборатории к рынку, от ученого к институту – символический капитал остается локальным и не превращается в ресурс развития ни науки, ни страны в целом.

Андрей Дудчик:

– Символический капитал в науке осуществляет прежде всего стабилизирующую функцию, он закрепляет иерархии, каноны и формы признания, действуя с определенной инерцией и не всегда принимая новые тенденции. И если в традиционных дисциплинах это выражается в ориентации на нормативность и воспроизводство признанных подходов, то в новых «еретических» областях ставка делается на новизну и инновацию, что открывает возможности для быстрого академического роста, но постоянно повышает риски непризнания. В результате устойчивый академический капитал формируется не автоматически из-за актуальности или популярности тем, а благодаря сложным механизмам институционального признания, соединяя академическое и общественное признание и получение новых знаний, сочетанию инновационных идей с уже признанной авторитетностью. Тот же Бурдьё отмечал, что наиболее необычные, новаторские темы диссертаций по философии часто публикуются под руководством наиболее известных и признанных руководителей, которые могут поддержать еще непризнанную тему собственным авторитетом. Происходит своеобразное объединение «капиталов» признанного имени и перспективной темы.

Высокую позицию занимают страны, где выстроена замкнутая, но эффективная система – качественная подготовка кадров, развитая исследовательская инфраструктура, понятные карьерные траектории и условия для долгосрочного развития. Это действительно замкнутый круг, но не в негативном, а в воспроизводящем смысле – сильная система дает сильные результаты, которые, в свою очередь, укрепляют саму систему. Поэтому поиск хороших инструментов измерения – это не столько альтернатива международным рейтингам, сколько способ построить их на более выгодных условиях или, при необходимости, компенсировать их ограничения. В условиях, в которых мы сегодня находимся, это, скорее, вопрос адаптации и стратегического планирования.

И, пожалуй, здесь самый серьезный вывод заключается в том, что такие системы – это зона ответственности не только государства, но и научного сообщества. Экспертное участие, методологическая рефлексия, готовность взять на себя роль соавторов стандартов – без этого никакие индексы не будут работать. В этом смысле символический капитал действительно реализуется «нашими руками» и «в наших руках» – через правила, по которым мы сами договариваемся играть. ■

Жанна КОМАРОВА